

Сергей САМОЙЛОВ

О жизни — стихами

Сергей Анисимович Самойлов

О жизни – стихами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63096332

*О жизни – стихами:
ISBN 978-5-88010-436-9*

Аннотация

В поэтическом творчестве Сергея Самойлова вехи ушедшей советской эпохи переплетены с реалиями современной постиндустриальной жизни. Поэт сопереживает бытовой неустроенности соотечественников, их незащищённости перед молохом «свободного рынка» и язвительно оценивает политические события новейшей истории, предрешившие поворот России к разрушительному капитализму. Суждения автора о поэзии великих современников подкреплены богатым жизненным опытом и недюжинной житейской мудростью. Книга предназначена для читателей всех возрастов.

Содержание

Предисловие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Анисимович Самойлов

О жизни – стихами

© Самойлов С.А., 2017

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2017

Предисловие

Почему люди пишут стихи? Не знаю. Не нахожу ясного ответа и во всезнающем Интернете. Порыв души? Безусловно! Но это слабый ответ. Называют множество причин, по которым люди увлекаются рифмой. Объясняют даже такими явлениями как ритмы и вибрация. Возможно. Но вибрация касается всех, но не все пишут стихи. Ладно, оставим этот вопрос. Есть такое желание, вот и пишут. И я иногда сочиняю стихи потому, что мне нравится рифмовать мысли, суждения о каких-то событиях, делах и поступках людей. Полагаю, что стихами это можно выразить ярче, чем прозой. Профессионалом себя не считаю. Просто любитель. Преклоняюсь перед такими настоящими поэтами как Александр Пушкин и Михаил Лермонтов, Владимир Маяковский и Сергей Есенин, Александр Твардовский и Константин Симонов, Роберт Рождественский и Расул Гамзатов, Владимир Высоцкий и Николай Добронравов и многими, многими другими, близкими к ним по своему поэтическому мастерству и пониманию жизни. Но они – великие, либо знаменитые или хотя бы известные. А есть ещё и рядовые поэты. И, всё же, – поэты. Не всем же быть знаменитыми. Нельзя же сказать так: «Если ты не знаменит, то и не лезь со своими стихами». Говорю это вовсе не для оправдания себя, а лишь в защиту рядовых поэтов. Ибо не было бы рядовых, не было бы и знаменитых.

Всё в жизни оценивается в сравнении. А оценки могут быть разными, как неповторимы и сами люди. И пристрастия бывают разные. Кому-то нравятся лирические стихи, а кому-то – заумные, философские. Кому-то – сатирические, а кому-то – политические.

И так далее. Равно, как и отношение к поэтам, со стороны любителей поэзии – разное. Кто-то влюблен в Пастернака, а кто-то к нему равнодушен и вообще не понимает, что он хочет сказать своими стихами. Взять даже его стихотворение «Зимняя ночь», которое одними критиками объявляется великим и бессмертным, а другими – образцом пошлости («скрещенье рук, скрещенье ног...»). Смысла в этом стихотворении не нахожу и я. Не зря стихотворение озаглавливают по-разному. То называют «Зимняя ночь», то «Свеча горела на столе», то просто «Свеча». Кто-то призывает не понимать его буквально, а читать между строк. А зачем писать стихи, которые надо читать между строк? Вот и получается, что одни видят в этом стихотворении тему жизни и смерти, другие – вершину любовной лирики, а третьи – просто не понимают, о чём оно. Правда, любимый мною Маяковский, отвечая своему оппоненту, сказал: «По-моему, то, что слишком ясно, просто глупо». Но я стихи Маяковского понимаю и люблю, а стихи Пастернака не понимаю и не люблю. Может быть, он настолько гениален, что для ума простого смертного непостижим? Ладно, приведу полностью это стихотворение, называемое то «Зимняя ночь», то «Свеча горела на столе»,

или просто «Свеча», а уж читатель, который не удосужился прочесть столь великое творение, пусть судит сам, о чем оно.

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами ночничка
На платье капал.

И всё терялось в снежной мгле

Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздымал как ангел два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

По-моему, бессмыслица. Ну, какие тени могли ложиться на потолок от свечи, которая «горела на столе», а уж тем более от «скрещенья рук, скрещения ног»? Такого не могло быть, даже если бы свеча горела на полу. И где, вообще, могла стоять «свеча», чтобы, как пишет Пастернак, её расплавленный воск мог капать на платье? Это какой нужно обладать фантазией, чтобы под капающим на платье воском подразумевать иное?

Не люблю заумность. Видимо, потому и пишу стихи, которые не требуется читать между строк и ломать голову, о чём они. О чём думаю, о том и говорю просто и ясно. А нагородить всякой чепухи, ради одной лишь рифмы, проще простого. В талантливые не лезу. Это – честно. А сочиняю по-

тому, что не могу не сочинять. Побуждает и жизнь, и порыв души.

Поэтов, тем более талантливых, не так уж и много. Прозой могут писать все. Хорошо или плохо, но может каждый, обладающий достаточной грамотностью. Поэтому прозаиков много. А поэтов – мало. Потому, что выражать мысли стихами гораздо сложнее, чем прозой. Не каждому это дано. Потому-то, видимо, мы поэтов больше чтим. Иных и славим. Вот я и назвал плеяду лишь выдающихся поэтов. Их, конечно, больше, даже сотни. Но не тысячи.

Обычно пристрастие к сочинительству стихов проявляется в молодости, когда душа поёт, и жизнь представляется в розовых цветах. Но я сочинением стихов увлёкся в пожилом возрасте. Был юн, стихов не сочинял, хотя к поэзии питал любовь, без всяких рассуждений насчёт того, кто в рифме гений. Но, вот, пришла пора понять, что и на склоне лет возможно, и, в общем-то, не так уж сложно, прямолинейно рифмовать. «Немного» надо лишь помучиться, глядишь, и что-нибудь получится.

Почему так поздно взялся за стихи? Возможно, связано с особенностями моего развития. Почти все мои жизненные движения были как бы запоздалыми. Родился в конце дня, в конце месяца и в конце года – в десять часов вечера, 24 декабря 1929 года. Да и отцу шёл уже сорок пятый год, когда я появился на свет. В первый класс школы пошёл не в семь и не в восемь лет, как положено, а почти в девять. Среднее

образование (10 классов) получил не в 17 лет, а на 21 году – в вечерней школе рабочей молодежи. Юридический факультет

Ленинградского Государственного университета имени А.А. Жданова окончил не в 22 года, а в тридцатилетнем возрасте, заочно.

Московский вечерний университет марксизма-ленинизма – когда перевалило за сорок.

Первую государственную награду – медаль «За спасение погибавших» – получил спустя десять лет после участия в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской

АЭС. Три профессиональных почётных звания мне были присвоены, когда уже пребывал на пенсии, не работал. Уважали старика. Вот, и стихами увлёкся, когда перевалило за шестьдесят. А главное поэтическое произведение – большую поэму о жизни – написал в восьмидесятилетнем возрасте. Эти строки пишу, имея за плечами 87 лет. Но, на всякий случай, ответственно заявляю, что пребываю в здравом уме и твёрдой памяти. Конечно, здоровьем похвастаться не могу, пережив ленинградскую блокаду. А после Чернобыля вообще признан инвалидом второй группы.

Но не сдаюсь. Тружусь. Понемногу занимаюсь литературным творчеством. Все другие подробности о себе, о профессиональной деятельности, о жизни – в поэме, в конце книги и в приложении. Пока – стихотворения. Они, как я уже сказал, прямолинейные, без всяких там выкрутасов и словес-

ных проказ, и потому понятны каждому. Подчеркиваю это, несмотря на упомянутое замечание Маяковского.

Первое моё стихотворение родилось случайно в «лихие девяностые», то есть в смутное время, когда от затеянной Горбачевым перестройки страну трясло и лихорадило, когда два горе-политика – Горбачев и Ельцин – «качали права». Я готовился к юбилею двоюродного брата Николая Чихачева, работавшего главным редактором журнала «Советское военное обозрение», выходящего на семи языках. Сам он владеет тремя языками и серьёзно увлекается поэзией. А пишет в основном лирические стихи. Хорошие. И мне, вдруг, тоже захотелось поздравить его стихами. И вот что получилось из первого опыта:

Пишу тебе я строки эти
В твой день рожденья, Николай.
Живи сто лет на этом свете,
А сможешь дольше – продолжай.
И радуй всех: Светлану, Милу,
Ирину, внучек и друзей.
Чтоб сохранить и ум, и силу,
Живи, как можно веселей.

Не омрачайся лихолетьем
Сих дней, а плавай, да гуляй.
И ради жизни долголетней
Ты желтой прессы не читай.

«Военное» лишь «обозрение»
На всех доступных языках
Приносит радости мгновенья,
Когда оно в твоих руках.

Не огорчайся Горбачевым,
А Ельцина не замечай.
Всегда будь только Чихачевым,
Да Свету чаще обнимай.
И референдумы напрасные
В кругу семьи не проводи.
И на вопросы очень ясные
Густой туман не наводи.

Не подражая Президенту,
Со знанием дела управляй,
И, честно пользуясь моментом,
Мужскую власть употребляй.
Но не вступай в конфликт с женою
Из-за политики застоя
В той «перестройке», что идёт
Который год! Который год!

Пусть перестройка процветает
На даче лобненской твоей,
И урожаем поражает
И нас, и вас, и дочерей.

Пусть помидоры «Де-Барао»,

Под стать комплекции твоей,
Растут на радость. Но пора бы
И «Русич» разводить смелей.
Пусть огурцы, айва, салаты,
Морковь и даже виноград,
Растут, как стройные солдаты,
Отобранные на парад.

Пусть изобилием застолья
Мы встретим тот прекрасный год,
Когда пойдет тебе за сто лет,
И будешь счастлив ты, и горд.

Но знай, что каждым новым годом
Светлана дарует тебя.
И потому пред всем народом
Ты поцелуй её, любя.

Стихотворение написано 15 марта 1991 года, за два дня до рокового и единственного в СССР всенародного референдума, то есть под впечатлением времени. С него по существу и началось мое «поэтическое» творчество в шальное и грустное для страны время, когда СССР начинал трещать по швам в результате бездумно затеянной президентом Горбачевым так называемой перестройки и глупо сформулированных для всенародного референдума вопросов относительно сохранения СССР. А в результате настал и тот трагический день

– 8 декабря 1991 года, когда в Беловежской Пуще (Белоруссия) незаконными действиями группы высоких должностных лиц страны простым росчерком пера был уничтожен Великий Советский Союз. За несколько мгновений три безумца – Президент РСФСР Ельцин, Президент Украины Кравчук и Председатель

Верховного Совета Белоруссии Шушкевич с группой соучастников (Гайдар, Бурбулис,

Шахрай) и ряд других безответственных лиц, сделали то, что бесноватому Гитлеру не удалось сделать со своей огромной, многомиллионной армией за четыре года войны с СССР.

А разве в высшие эшелоны власти не проникают глупцы? Да сколько угодно! Вот и в нашей стране из-за них началась буза и разлад. И я откликнулся на эту дикость мирового масштаба новым стихотворением – басней, которую назвал «Три шакала». Она была опубликована в популярной патриотической газете «Ветеран».

Сбредлись однажды три шакала
Решить, как власть им поделить.
И, крепко выпив для начала,
Поочередно стали выть.

Вот, первый, что по кличке «Шушка»
(В учёных значился глупец),
Вцепившись в льготную кормушку,

Капризно завопил, наглец:

«Вождь наш слишком много брешет,
Без умолку язык свой чешет.
Не хочет власть со мной делить.
Я не хочу ему служить»

Второй «Мазепой» обзывался
(За подлый и коварный нрав).
Тотчас охотно отозвался:
«Пора лишить его всех прав!»

А третий, с лапою побитой,
В шакальей схватке не добытый
(Тем самым жалким вожаком),
Рванулся к власти напролом:

«Я, понимаешь ли, желаю
Свой трон иметь. Все поделить.
Не будем мы друг друга хаять,
А дружным хором вместе выть».

И порешили: «Так и быть.
И вожаку о том сообщить.
И пусть молчит, поджавши хвост,
Забыв про свой высокий пост».

Но вот едва начав делить
Добычу общую и стаи,

Поодиночке стали выть,
Волков на помощь призывая,
При этом подло обещая,
Взамен – покорно им служить.

Поля, леса и воздух делят,
И даже корни от стволов.
И чушь такую всюду мелят,
Что «уши вянут» у волков.

И подлый с них пример беря,
Князьки шакальи вострепнулись.
И каждый тянет на себя.
И в стаях распри развернулись.
И прошлой дружбы не щадя,
Грызутся все, за власть воюя...

Глупцам шакалам растолкуем,
По-человечьи говоря:
«Где начинают власть делить,
Там миру никогда не быть».

А дальше, как принято говорить в народе, пошло-поехало. Я замахнулся на большее. Темы рождались жизнью. Стихи складывались легко и быстро. Пусть простые, но, как мне кажется, ко времени и бьющие в точку. Например:

Не забудется такое
И не будет пройдено,

Как в лесу под Минском трое
Поделили Родину.
И теперь права качают
Три отпетых наглеца.
И друг друга уличают
В кладке тухлого яйца.

И родилась еще серия подобных стихов. Некоторые из них были опубликованы в «Советской России». Я ликовал как автор, которого печатают. Нет для пишущего человека большей радости, как видеть вышедшее из печати его произведение, к какому бы жанру оно не относилось.

Он ярим коммунистом
Пробыл немало лет.
Примкнул к капиталистам,
И дал себе обет:
Разрушить всё святое,
Что славило страну,
И навязать чужое
Народу своему.
Пугая коммунизмом,
Зовёт его душисть,
Чтоб глупость «гайдаризма»
В реальность воплотить.
В колодезь наш цинично
Плюёт, плюёт, плюёт.
Но так «демократично»

Всё из него же пьёт.
И вот молю я Бога,
При выборе наград,
Определить дорогу
Ему в крошечный ад.

Эти стихи родились в тревожном 1993 году, когда Ельциным из танковых орудий был расстрелян Верховный Совет России. Какое безумие правителя! Какое равнодушие «народа»! Даже сидя в тюрьме, рядовой поэт Осенев (псевдоним) – бывший председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов написал стихотворение, в котором точно отразил это дикое, тем более для двадцатого века, событие.

Расстрел Советской власти
Средь бела дня.
В столицу входят части,
Гудит броня.
Визжа, летят снаряды,
Ликует сброд.
Орут: «Так им и надо!»
Молчит народ.
Молчит, подавлен страхом,
Иль казни рад?
Не рвёт с груди рубаху,
Не бьёт в набат.
Хотя грядёт кровавый

Водоворот.
Без гнева и без славы
Молчит народ.

Сожалею, что тогда не откликнулся на это дикое событие стихотворением. Видимо, так был поражен нелепостью действий правителя, что не до стихов было. Но слёзы у меня текли. Плакал и от этого «демократического» варварства, и от того, что был бессилён ему как-то противостоять. Но позже политические стихи рождались. Целая серия. Хотя мне было уже далеко за шестьдесят. Удивительно, не правда ли, сочинять стихи в таком возрасте. А я сочинял, и не чувствовал себя стариком.

Говорил Шумейко с жаром,
Съезду Ельциным грозя:
Нам без юного Гайдара
Обойтись никак нельзя.
Коль прогоните Гайдара,
Всем правительством уйдём,
Потому, как без базара
Неприменно пропадём.
Ход с Гайдаром дал осечку,
И примолкнул наш «герой».
И за прежнее местечко
Он стоит теперь горой.
Так вцепился в кресло дядя,
Что никак не оторвать.

На него другие глядя,
Стали задний ход давать.
Блефовал, шумел Шумейко,
Что уж там ни говори,
Но теперь ценой в копейку
Превратил слова свои.

И вот ещё на эту тему, всё из того же 1993 года. Сумасшедшее было время, пакостное, ельцинское. Ну, как было не реагировать на это время сатирическими стихами. Про тех же известных всей стране «героев».

Подыскал ценой в копейку
Ельцин «дело» для Шумейко:
«Коль других проблем не видно,
А бездельничать-то стыдно,
Так давай-ка разомнись,
Подготовкою займись
Референдума к апрелю,
Да не так, чтоб еле-еле,
А во все лопатки жми,
Кого надо, тех прижми.
Раз во всех иных делах
Мы имеем полный крах,
То теперь, прошу понять,
Я не должен проиграть.
Пропаганду разверни,
Денег сколько хошь возьми.
Надо больше? Больше дам,

Лишь кури мне фимиам,
Поноси любые “измы”,
Кроме лишь капитализма,
Чтобы сам народ в петлю
Сунул голову свою».

А вот и другое стихотворение про «того же самого», которое я назвал «Исповедь перевёртыша», в ответ на его «Исповедь на заданную тему». Забавная, между прочим, книга. В ней Ельцин разоблачает себя, как живущего ложью, смеющегося над партией. И не стесняется этим хвастаться.

Исповедует он нам
«Заданную тему»:
«Принцип мой – купи – продам.
Вот и все проблемы.
Красный цвет не уважаю,
Полосатый нравится.
Красных всех пересажаю,
Случай, коль, представится.
Что мне совесть, что мне честь, —
Лишь бы быть у власти.
У меня задумка есть:
Разодрать на части
Всю Россию. Так скажу,
Прямо, без лукавства:
«Хочешь быть там, наверху?
Разделяй и властвуй!»

Или такое, совсем коротенькое:

Вышел Ельцин на базар,
спекулянту встречному
руку радостно пожал
и сказал сердечному:
«Не сдаваться. Так держать!
Нет предмета спора.
Вам-то я не буду врать,
Вы – моя опора».

Конечно, напрашивался на внимание и еще один одиозный герой, некогда преподававший марксизм-ленинизм и ставший одним из подписантов Беловежского соглашения 1991 года об уничтожении СССР – Бурбулис.

Что такое «бурбулизм»?
По законам критики —
Это – просто онанизм,
Только лишь в политике.
Расшифровка же такая:
Коль красиво хочешь жить,
Честь и совесть продавая,
Наглой ложью дорожить.

С ног на голову поставить
Правду жизни – и вперед!

Задом пятиться заставить
Терпеливый наш народ.

Всё ломать, крушить и гадить,
Изворачиваться, лгать,
Покровительственно гладить
Тех, кто любит воровать.

Лицемерье возвышая,
Клясться в верности друзьям,
С потрохами продавая
Их везде, – и тут и там.

Из героя делать труса,
А в герои возводить
Спекулянтов, чтоб «Иисусу»,
То, бишь, Бушу, доложить:

«Всё в порядке, Ваша милость,
Дело сделано у нас,
И страны великой хилость
Обеспечена для вас».

А загубили страну так называемые демократы восьмидесятых, девяностых годов. И совершенно справедливо российских демократов народ окрестил «дерьмократами». Согласен с такой оценкой. Слово «демократ» стало ругательным. А его герои – посмешищем.

Демократы – дерьмократы!
Что же вы наделали.
Ни единого добра
Для страны не сделали.

Проедаете «застой»
И его ж поносите.
У самих – сплошной простой.
С вас за это спросится.

В церковь толпами пустились
Вы замаливать грехи.
До чего же опустились
Демократы-лопухи.

Поп Якунин вами водит,
Демократ враньём смердит,
И в потёмках глупо бродит,
Но старательно шумит.

Денисенко в драку рвётся
Министерский пост занять,
А Филиппову неймётся
Землю жуликам продать.

Шум идёт по всей округе,
Дерьмократы «жмут на газ»...
Эх, «друзья» мои, «подруги»,

До чего же жалко вас.

Да и российские демократы XXI века такие же. Только, может быть, менее шумливые. А советское время все чаще вспоминается добрым словом. Мы жили весело и дружно, пусть не богато, но легко. И понимали, что нам нужно. Лишь к доброте людей влекло.

Я, как на праздник, шёл на службу, и видел смысл трудов своих, работал, словно за двоих, и верил в искренность и дружбу.

А там, где дружба и любовь, там расцветает жизни новь.

Познается всё в сравненье,
Мы с тоской глядим вперёд.
Худо всем, и нет сомненья —
Ельцин в пропасть нас ведёт.
По периоду «застоя»
Я грущу, друзья мои,
Было времечко такое:
Мирно ели пироги.

Всё имели по заслугам —
Плату, пенсию, жильё.
А теперь у нас в почете
Пошлость, наглость, да жульё.

Раньше правили страну
Люди лучшие, герои.

А теперь пошли во власть,
Кто умеет ловко красть.
Краснобаи, болтуны
Нами воевоят.
Перевёртыши, вруны
Нынче верховоят.

Возведён на пьедестал
Спекулянт, грабитель.
Уваженье потерял
Истинный воитель.

И ещё про так называемый «застой». Только с большей грустью. Как бы нынче не поносили брежневское время. В чём обычный человек больше всего нуждается? Ответ очень простой, – в нормальной жизни. Иначе говоря – в справедливости, покое и необходимом достатке. Поэтому...

Сколько дум передумано смешанных,
Перелистаны годы и дни.
Распроклятая жизнь наша бешеная,
Хоть частицу «застоя» верни.
Пусть тогда не имели мы многого,
Но как много имели тогда.
И держались мы правила строгого, —
Честь и совесть ценили всегда.

Кто учиться хотел – учился.

Кто работать желал – получай.
Кто в лечение нуждался – лечился,
Никому не давая «на чай».

Создавали основу святости,
Жили тем, что любому в подъём,
А брюзжали, скорее, от сытости,
В изобилие копаясь своим.

Загубила нас власть наживы,
Захотелось пожить, как «там».
Разглядеть бы призывы лживые,
Да вклеить кой-кому по зубам.

Иностранщиной любим дивиться,
В свой колодезь всё больше плюем.
А водицы чтоб чистой напиться,
Ищем спонсора за рубежом.
Наверху были в годы «застоя»,
А теперь опустились на дно.
Наблюдаем одни лишь простои,
Превратив достижения в говно.

Шли годы, к власти разного уровня приходили новые люди. А экономическая политика оставалась прежней, гайдаровской. Ориентир на запад. На рынок и конкуренцию. А проще говоря – на спекуляцию и наживу. А страна по-прежнему на обочине мира. Процветает только бандитский капи-

тализм. Если в период «застоя» во всем СССР, подчеркиваю: во всём СССР(!), совершалось 15–17 тысяч умышленных убийств в год, причём, совершаемых в основном, на бытовой почве (по пьянке, в драке, в ссоре), то в период так называемого прогрессивного капиталистического «общества» только в России совершается более 30 тысяч умышленных убийств в год. И каких! Убивают губернаторов и депутатов, прокуроров и работников милиции, президентов республик и священников, и даже адвокатов. Появились и киллеры, о которых в «застойные» времена и понятия не имели. А «демократическое» словоблудие продолжается. А «демократ»...

Публично льёт слезу о бедности народа,
Своим же жалуется наживу без границ
И прочие дела такого ж рода.
Лишь Абрамовичей лелеет и хранит.

Очень любит советское прошлое
По делам и без дела пинать,
Восхвалять современное пошлое,
И надменно людей поучать.

А страна, между тем, опустилась
На глубокое грязное дно
И, пожалуй, надолго простилась
С добротой, что природой дано.

А «демократ» договорился до того, что публично стал утверждать, что свобода лучше порядка.

«Свобода гораздо важнее порядка», —
Вещает иной претендент.
В свободу рванулись почти без оглядки,
Кто «правильно» понял удачный момент.

И видим, свобода нам боком выходит.
Все цены растут не по дням, — по часам...

Концовку не привожу, потому, что она хоть и справедливая, но грубовата. И «демократ» может обидеться. Мне постсоветское время не нравится, как и миллионам людей. Несправедливое, лживое, разобщенное. И потому говорю:

Я о птичках стихов не пишу,
И о розочках тоже помалкиваю.
Я в политике смысла ищу.
И в печать ерунду не проталкиваю.
В жизни столько серьёзнейших тем,
Тяжелейших и грустных историй.
Я в политику лезу затем,
Чтоб понять суть больших категорий.

Как случилось, что трусили мы
И Советов Страну загубили?
Копошимся во мраке злой тьмы

И о прошлых победах забыли.

Деньги стали добра мерилом.

А ведь знали, что деньги – зло.

И грустим о том времени миллом,

Когда поровну всем везло.

Когда думали лишь о деле

И о благе стране родной,

Когда искренне все хотели,

Мирно жить, как семьёй одной.

А теперь, словно волчьим взглядом,

Друг на друга глядим в прицел.

И друзей стало меньше рядом.

Каждый рад, что пока он цел.

Все желают лишь жить на яркой,

Не заслуженной стороне,

Не гордиться трудом доярки,

Не трудиться, но «быть на коне».

Все стремятся «большими глотками»

Пить и лопать, побольше урвать.

И злорадно кривыми ногами

Всё советское подло топтать.

Погрузились в разгул преступности,

От жулья уж проходу нет.

И не стало прежней доступности

Ко всему, как и прежних побед.

И снова напрашиваются ранее сказанные слова:

Наверху были в годы застоя,
А теперь опустились на дно.
Наблюдаем одни лишь простои,
Превратив достижения в говно.

А люди, разбогатевшие на жульничестве и ограблении народа, нагло хвалятся своими миллионами и миллиардами. Например, Полонский: «Кто не имеет миллиарда, пусть идёт в ж. у». Не знаю, почему эту часть тела я в отличие от Полонского, стесняюсь назвать вслух принятым в народе словом. Наверное, только потому, как шутит Максим Горький, что «она расположена ниже поясницы». Вот, дочь «демократа» Анатолия Собчака – Ксения Собчак публично, с экрана общенационального телевидения и ратует за то, чтобы зад называть словом, принятым в народе. И, подавая пример, громко произнесла это непривычное для слуха культурного человека слово...

Однако, о богатых.

О, как заносчивы богатые,
Себя считая всех умней.
Коль денежки гребут лопатой,
Слывут в героях наших дней.

А мне они противны до предела,
Я презираю их и власть за них клянусь,
Им до судьбы страны нет никакого дела.
И цель у них одна – доить казну.

По мне же лучше жить скромнее,
Трудом копейку добывать,
В делах житейских быть умнее,
И на кредит не уповать.
И чтоб никто не мог ославить
Твои дела и жизнь твою,
Чтоб, не стесняясь, мог оставить
Всю правду полную свою.

И дом, который сам построил,
И деревце, что посадил,
И «шестисотку», что освоил,
И детям, внукам подарил.
Всё это в твой актив зачтётся,
Всё, что ты сделал, сотворил,
И доброй памятью вернётся
К тем, жизнь кому ты подарил.

А жизнь проходит среди друзей и товарищей, пусть всё более редких, но искренних и верных. Общение с ними бодрит и воодушевляет. И рождаются стихи о хороших людях. Особенно по случаю юбилеев. Мы жизнь стихами украшаем.

Вот, одно из таких стихотворений, посвященное пятидесятилетию обаятельной женщине.

Юбилей ничуть не лучше будней, —
Всё равно отсчет идёт годам.
Так что говорить о нём не будем,
Зная пожеланья милых дам.
Просто стали старше вы немного —
Времени нельзя остановить.
От души советую, ей богу,
Никогда об этом не грустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.